

Джозанна
Линдсей

Милая
плутовка

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Л59

Серия «мини-Очарование: Лучшее»

Johanna Lindsey

GENTLE ROGUE

Перевод с английского *Э.Г. Коновалова*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства

Harper Collins Publishers

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Милая плутовка : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. Э. Г. Коновалова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-105452-6

Очаровательную Джорджину Андерсон обманул жених, и сумасбродная девушка решила залечить боль утраты вихрем приключений. Переодевшись юношей, она нанялась юнгой на отходящий от берегов Англии корабль, однако не любопытствовала, что представляет собой капитан судна. И напрасно — лорд Джеймс Мэлори оказался не только бывалым моряком, но и опасным сердцеедом, покорителем женщин, буквально падавших к ногам этого мужественного красавца. Где уж тут остаться равнодушной неопытной Джорджине...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

© Johanna Lindsey, 1990

© Перевод. Э.Г. Коновалов,
наследники, 2014

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-105452-6

Глава 1

1818 год, Лондон

Джорджина Андерсон схватила с тарелки редиску, положила ее в ложку и выстрелила, как из катапульты. Правда, попасть в огромного таракана ей не удалось, но редиска ударилась совсем близко от него. Таракан счел за благо укрыться в ближайшей щели. Что и требовалось. Пока Джорджина не видит этих назойливых тварей, она может делать вид, что в ее жилье они не водятся.

Джорджина повернулась к недоеденному завтраку, посмотрела на тарелку и с гримасой отвращения отодвинула ее. Она много отдала бы сейчас за любое блюдо, приготовленное Ханной. За двенадцать лет работы Ханна научилась безошибочно угадывать, чем порадовать каждого члена семьи, и Джорджина в течение всего путешествия на корабле постоянно тосковала по ее стряпне. С того момента, когда пять дней назад они приплыли в Англию, лишь однажды Джорджине удалось вкусно поесть. Это было в день прибытия. Они остановились в отеле «Олбани», и Мак повел ее в шикарный ресторан. Но из отеля они съехали уже на следующий день и поселились в куда более скромных номерах. А что им оставалось делать, если, вернувшись в отель, они обнаружили, что из их чемоданов украдены все деньги?

По правде говоря, у Джорджи, как ее ласково звали близкие, не было достаточных оснований винить в про-

паже денег отель. Скорее всего их украли, пока чемоданы путешествовали от причала в Ист-Энде до Вест-Энда, где на Пиккадилли находился престижный отель «Олбани». Пока чемоданы под присмотром возницы и его напарника двигались на повозке к отелю, Джорджина и Мак беззаботно осматривали достопримечательности Лондона.

Если уж говорить о невезении, то началось оно гораздо раньше. Приплыв в Англию, они узнали, что их судно не может войти в порт и что получить свой багаж они смогут не раньше чем через три месяца. Хорошо, что хоть самим пассажирам позволили сойти на берег. Правда, не сразу, а через несколько дней.

Впрочем, удивляться этому не следовало. Джорджина знала о заторах на Темзе, особенно в это время года, когда движение судов зависит от непредсказуемых ветров. Их корабль был одним из дюжины судов, одновременно прибывших из Америки. Кроме того, здесь скопились сотни других, со всех концов света. Подобные заторы были одной из причин, по которой члены их семьи, занимающиеся торговлей, исключили Лондон из своих маршрутов даже перед войной. Фактически ни один корабль компании «Скайларк лайн» не появлялся в Лондоне с 1807 года, когда Англия начала блокаду чуть ли не половины Европы во время своей войны с Францией. Для «Скайларк лайн» торговля с Дальним Востоком и Вест-Индией была не менее прибыльной и гораздо менее хлопотной.

Даже после того как ее страна уладила свои споры с Англией и подписала договор в самом конце 1814 года, «Скайларк лайн» воздерживалась от торговли с Англией, поскольку складирование оставалось весьма серьезной проблемой. Нередко скоропортящиеся товары приходилось оставлять прямо на пристани. Они становились легкой добычей воров, и тогда ущерб достигал полумиллиона фунтов в год. Если же воры по какой-либо причине щадили товар, то он погибал под толстым слоем угольной пыли и копоти.

Иными словами, вести торговлю с Англией было себе дороже. Именно по этой причине Джорджина приплыла в Лондон не на судне «Скайларк лайн», и по той же самой причине она не могла сейчас вернуться домой. Проблема заключалась в том, что у них с Маком оставалось всего двадцать пять американских долларов — именно эти деньги не стали добычей воров, так как были при них, а не в чемодане. И вот теперь в результате всех злоключений Джорджина оказалась в этой комнатенке, расположенной над таверной в Саутурке.

Таверна! Если бы ее братья узнали... да они способны убить ее, если каким-то образом ей удастся вернуться домой, за то, что она без их ведома отправилась в путешествие, когда они находились по торговым делам в разных частях света. Или уж, во всяком случае, не будут давать ей денег, посадят на несколько лет под замок, да притом еще и выпорют как следует.

Правда, если говорить честно, скорее всего дело ограничилось бы тем, что братья здорово бы ее отругали. Тем не менее, как представишь, что пятеро рассерженных старших братьев совершенно оправданно обрушивают на тебя свой гнев, то становится не по себе. К несчастью, это в свое время не остановило Джорджи́ну, и она отправилась в путешествие в сопровождении Йена Макдонелла, который не имел никакого отношения к их семье. Иногда ей приходила мысль: уж не лишил ли Господь здравого смысла всю ее семью к тому времени, когда она должна была родиться?

Не успела Джорджина встать из-за стола, как раздался стук в дверь. Она собралась было сказать «Войдите», ибо за свою жизнь привыкла, что если стучат в дверь, то это либо прислуга, либо кто-то из членов семьи. За свои двадцать два года она спала только в собственной кровати в собственной комнате в Бриджпорте, штат Коннектикут, да еще в течение последнего месяца — на подвесной койке на судне. Конечно же, никто не сможет войти в комнату,

если дверь заперта на ключ, сколько бы она ни говорила «Войдите». Мак неоднократно и настойчиво напоминал ей о том, что следует запира́ть дверь. Впрочем, сама эта неуютная, запущенная комнатенка постоянно напоминала Джорджине о том, что она далеко от дома, что никому не следует доверять в этом негостеприимном, наводненном преступниками городе.

Из-за двери послышалась фраза, произнесенная с выразительным шотландским выговором, и Джорджина узнала Йена Макдонелла. Она открыла дверь. Вошел высокий крупный мужчина, отчего комнатка показалась совсем тесной.

— Есть какие-нибудь приятные новости?

Садясь на стул, на котором только что сидела Джорджина, он фыркнул:

— Зависит от того, как на это посмотреть.

— Опять надо разыскивать невесть кого?

— Да, но, полагаю, это лучше, чем полный тупик.

— Конечно, — без особого энтузиазма согласилась она.

Рассчитывать на большее особенно не приходилось. Некоторое время тому назад мистер Кимбалл, один из матросов корабля «Портунус», принадлежавшего ее брату Томасу, заявил, что он совершенно уверен в том, что видел ее давно пропавшего жениха Малкольма Камерона среди команды торгового судна «Погром», когда «Портунус» и «Погром» встретились на одном из морских перекрестков. Томас не имел возможности проверить утверждение мистера Кимбалла, поскольку узнал об этом лишь тогда, когда «Погром» скрылся из виду. С определенностью можно было сказать, что «Погром» держал путь в Европу, скорее всего в свой родной порт в Англии, хотя нельзя было исключить, что до этого он побывает в других портах.

Так или иначе, это было первое известие о Малкольме за шесть лет после того, как он был насильственно завербован в матросы перед началом войны в июне 1812 года.

Насильственная вербовка американских моряков английским флотом была одной из причин войны. Малкольму страшно не повезло: его забрали во время первого плавания, а причиной тому был его корнуоллский акцент, поскольку первую половину своей жизни он прожил в Корнуолле — одном из графств Англии. Однако к тому времени он уже был американцем, его родители, ныне покойные, поселились в Бриджпорте в 1806 году и не имели намерений возвращаться в Англию. Однако английский офицер не пожелал этому поверить, и Уоррен, брат Джорджины и владелец судна «Нереус», где состоялась насильственная вербовка, до сих пор носит шрам на щеке, свидетельствующий о решительности намерений английской стороны завербовать Малкольма.

Джорджина слышала, что корабль, куда забрали Малкольма, списали, а команда его была распределена по нескольким судам. Больше ей ничего не было известно. Что делал Малкольм на английском торговом судне сейчас, когда война закончилась, не имело значения, но по крайней мере у Джорджины появилась возможность разыскать его.

— Кто и что сообщил вам на сей раз? — со вздохом спросила Джорджина. — Опять какой-нибудь незнакомец, который знает кого-то, кто знает того, кто может что-то знать о нем?

Мак хмыкнул.

— Голубушка, ты так говоришь, словно мы ходим кругами безрезультатно целую вечность. Мы занимаемся поисками всего четыре дня. Тебе бы хоть немного того терпения, которым обладает Томас.

— Не говорите мне о Томасе! Я зла на него за то, что он до сих пор ничего не сделал, чтобы найти Малкольма.

— Он бы нашел...

— Через шесть месяцев! Он хотел, чтобы я еще целых шесть месяцев ждала, когда он вернется из Вест-Индии! А сколько месяцев понадобится, чтобы доплыть сюда, ра-

зыскать Малкольма и вернуться с ним назад? Я и без того ждала целых шесть лет!

— Четыре года, — поправил ее Мак. — Никто не позволил бы тебе выйти замуж за этого парня, пока тебе не исполнилось восемнадцать.

— Это к делу не относится. Если бы кто-нибудь другой из братьев был дома, он непременно тотчас же отправился бы сюда. Увы, на месте со своим судном оказался только слишком оптимистичный Томас, у которого в придачу терпение святого. Вот как мне не повезло! А вы знаете, как он смеялся, когда я сказала, что, если я еще немного постарею, Малкольм откажется от меня?

Мак с трудом сдержал улыбку, услышав столь откровенный и простодушный вопрос. Неудивительно, что в свое время подобные рассуждения девушки вызывали смех у ее старшего брата.

Хотя прошло столько лет, девушка не вняла совету братьев забыть о Малкольме Камероне. Уже окончилась война, и парень, казалось бы, должен был вернуться домой. Но он так и не вернулся, а она все ждала. Один этот факт мог бы подсказать Томасу, что она не станет дожидаться, пока брат вернется из Вест-Индии. Они были членами одной семьи, и всем им в равной степени был присущ авантюризм, а вот терпением в отличие от Томаса Джорджина не обладала.

Конечно, в какой-то степени Томаса можно простить за то, что он не стал заниматься поисками Малкольма. Корабль брата Дрю должен был вернуться до конца лета и в течение нескольких месяцев, до следующего плаванья, оставаться дома. А Дрю ни в чем не мог отказать единственной сестре. Но девушка не стала дожидаться возвращения Дрю, а заказала билет на корабль, который отправлялся спустя три дня после отплытия Томаса, и кое-как уговорила Мака сопровождать ее. Правда, он до сих пор не мог понять, каким образом ей удалось представить дело так, будто это была не ее, а его идея.

— Ладно, Джорджи, учитывая, что в Лондоне народу больше, чем во всем Коннектикуте, не стоит представлять все в мрачном свете. Человек, с которым я собираюсь встретиться, похоже, знает нашего Малкольма очень хорошо. Тот, с кем я говорил сегодня, сказал, что Малкольм сошел с корабля вместе с этим мистером Уиллкоксом. Он может пролить свет на то, где искать парня.

— Звучит очень даже обнадеживающе, — согласилась Джорджина. — Может, этот мистер Уиллкокс даже ответит вас прямо к Малкольму, поэтому... Я думаю, мне надо пойти с вами.

— Ты не пойдешь! — отрезал Мак, сердито нахмурившись. — Я встречаюсь с ним в таверне!

— Ну и что?

— Еще натворишь бог знает что!

— Но, Мак...

— Даже не проси, девочка, — сурово сказал он.

Однако, перехватив брошенный ею взгляд, Мак понял, что она не отступится. Он прекрасно знал, что, если Джорджина что-нибудь решит, отговорить ее практически невозможно. И доказательством этого служит то, что она сейчас в Лондоне, а не дома, как считают ее братья.

Глава 2

В элитном Вест-Энде, что находится на другом берегу реки, возле фешенебельного дома на Пиккадилли остановилась карета, из которой вышел сэр Энтони Мэлори. Ранее это была его холостяцкая резиденция, которую теперь уже нельзя называть таковой, ибо он возвращался со своей молодой женой леди Рослин.

Джеймс Мэлори, брат Энтони, который жил в доме во время своих приездов в Лондон, услышав подъехавшую в столь поздний час карету, вышел в зал в тот момент, когда Энтони через порог вносил на руках новобрачную. По-

скольку Джеймс пока не был осведомлен о том, кто она такая, он осторожно сказал:

— Полагаю, мне не следовало это видеть.

— Я думал, что ты не увидишь, — ответил Энтони, обходя брата и направляясь со своей ношей к лестнице. — Но коль скоро ты увидел, то знай, что я женился на этой девушке.

— Так я тебе и поверил!

— Он действительно женился! — Девушка улыbnулась ослепительной улыбкой. — Неужели вы думаете, что я позволю, чтобы первый встречный переносил меня на руках через порог?

Энтони на момент остановился, поймав недоверчивый взгляд брата.

— Господи, Джеймс, я, наверное, всю жизнь ждал такого момента, когда ты не найдешь что ответить. Но надеюсь, ты простишь, если я не стану дожидаться, пока ты придешь в себя?

И Энтони скрылся.

От изумления Джеймс не сразу закрыл рот, но, впрочем, тут же открыл его снова, чтобы осушить бокал бренди, который держал в руках. Невероятно! Энтони заковал себя в кандалы! Самый известный повеса в Лондоне! Правда, эта слава перешла к нему после того, как сам Джеймс десять лет тому назад покинул Европу. И что же заставило брата совершить такой отчаянный шаг?

Бесспорно, леди была изумительно красива, но Энтони мог бы заполучить ее и каким-либо другим образом. Так случилось, что Джеймсу стало известно, будто Энтони уже соблазнил ее вчера вечером. В таком случае что заставило его на ней жениться? Семьи у нее не было, настаивать на браке было некому. Едва ли кто-либо мог посоветовать ему жениться, кроме разве что старшего брата Джейсона, маркиза Хаверстонского и главы семейства. Но впрочем, даже Джейсон не мог бы заставить Энтони

жениться. Разве Джейсон за многие годы не пытался склонить его к женитьбе?

Никто не приставлял пистолета к голове Энтони и не вынуждал к подобной глупости. И вообще Энтони в отличие от виконта Николаса Идена всегда мог противостоять давлению со стороны старших. Николаса Идена принудили жениться на их племяннице Реган, или Регги, как ее все называли. Честно говоря, Джеймс до сих пор сожалеет, что он был лишен возможности высказать Николасу все, что он о нем думает. В то время в семье еще не знали, что он вернулся в Англию и испытывал желание задать виконту основательную трепку, которую тот, по его мнению, заслуживал совсем по другой причине.

Покачав головой, Джеймс прошел в гостиную и взял графин с бренди, решив, что пара дополнительных глотков поможет ему понять причину женитьбы брата. Любовь он сразу сбрасывал со счетов. Поскольку Энтони не поддался этому чувству в семнадцать лет, когда впервые познал сладость представительниц прекрасного пола, то, стало быть, он невосприимчив к этой болезни так же, как и сам Джеймс. Не приходится принимать в расчет и необходимость иметь наследника, поскольку все титулы семейства уже распределены. У Джейсона, старшего брата, уже взрослый сын Дерек, по годам догоняющий своих младших дядьев. У Эдварда, второго по старшинству из семейства Мэлори, — пятеро детей, из которых все, кроме Эми, достигли брачного возраста. Даже у Джеймса был сын Джереми — правда, внебрачный, о существовании которого он узнал шесть лет назад. До этого он и не подозревал, чьего сына воспитывала работающая в таверне женщина. Сын продолжал работать там же и после смерти матери. Сейчас ему было семнадцать, и он пошел по стопам отца по части прекрасного пола. Энтони, четвертому сыну, не было необходимости заботиться об увековечении рода — об этом уже позаботились трое старших Мэлори.

Джеймс с графином бренди в руке опустился на диван. Сэр Мэлори был отлично сложен, хотя ростом недотянул до шести футов. Он снова вспомнил о новобрачных и задал себе вопрос, чем они сейчас могут заниматься. Его красиво очерченные, чувственные губы сложились в улыбку. Но ответа на вопрос о том, почему Энтони женился, он так и не нашел. Сам Джеймс никогда подобной ошибки не совершит. Но он готов признать, что уж коли Энтони суждено попасть в капкан, то захлопнуть его должна была такая красotka, как Рослин Чэдуик... впрочем, теперь она уже была Мэлори.

Джеймс и сам подумывал о том, чтобы приударить за ней, хотя Энтони уже успел выразить свой интерес к Рослин. Когда они были совсем молодыми, то нередко из спортивного интереса принимались ухаживать за одной и той же женщиной. Победителем оказывался тот, на ком женщина раньше останавливала свой взор. Энтони у женщин имел репутацию дьявольски красивого и неотразимого, а Джеймс считал таковым и себя.

Тем не менее внешне братья разительно отличались друг от друга. Энтони был выше и стройнее, от бабушки он унаследовал черные волосы и темно-синие глаза. Такой же масти были Реган, Эми и, как ни досадно, собственный сын Джеймса — Джереми, который, что еще более досадно, был больше похож на Энтони, чем на отца. У Джеймса были вполне типичные для всех Мэлори белокурые волосы, зеленоватые глаза, крепко сбитая фигура. «Большой, белокурый и безумно красивый», — говорила Реган.

Джеймс хмыкнул, вспомнив о милой племяннице. Его единственная сестра Мелисса умерла, когда ее дочери было всего два года, так что девочку вырастили и воспитали все братья. Они любили ее как дочь. Но сейчас она была замужем за этим прохвостом Иденом, и Джеймсу ничего не оставалось, как терпеть этого типа. Впрочем,

Николас Иден уже сумел зарекомендовать себя образцовым мужем.

Опять же мужем. Но у Идена была причина. Он обожал Реган. Что касается Энтони, то он обожал всех женщин. В этом Энтони и Джеймс были одинаковы. И хотя Джеймсу сейчас исполнилось тридцать шесть лет, пока что не родилась еще женщина, которая могла бы заманить его в супружеские сети. Любить женщин и вовремя уходить от них — это было его кредо, которого он придерживался многие годы и не намерен был менять и впредь.

Глава 3

Йен Макдонелл был американцем во втором поколении, однако его шотландские корни заявляли о себе рыжими, морковного цвета, волосами и картавым «р». Зато он был начисто лишен шотландского темперамента: выглядел сдержанным и спокойным, каким, собственно, и был все сорок семь лет своей жизни. Однако накануне вечером и в первую половину нынешнего дня он по-настоящему раскрыл свой темперамент.

Будучи соседом Андерсонов, Мак знал их семью всю жизнь. Он плавал на их судах свыше тридцати пяти лет, начав в семилетнем возрасте юнгой у Андерсона-старшего и дослужившись до первого помощника капитана на судне «Нептун», владельцем которого был Клинтон Андерсон. По меньшей мере раз десять он отказывался от звания капитана. Подобно Бойду, младшему брату Джорджины, он не любил брать на себя ответственность. (Впрочем, юному Бойду неизбежно придется это делать.)

Пять лет назад Мак распрощался с морем, но остался при судах; теперь в его обязанности входило проверять исправность каждого судна «Скайларк лайн», возвратившегося в порт.

Когда пятнадцать лет назад умер старый Андерсон, а спустя несколько лет и его жена, Мак добровольно взвалил на себя заботу о детях, хотя был всего на семь лет старше Клинтона. Он следил за их воспитанием, не скупился на советы и обучал мальчишек, а если честно, то и Джорджину, всему тому, что знал о кораблях сам. Не в пример их отцу, который бывал дома между плаваниями не больше одного-двух месяцев, Мак мог провести на берегу до шести месяцев в год, прежде чем ветер странствий опять звал его в путь.

Как это обычно бывает, если человек предан морю больше, чем собственной семье, рождение каждого ребенка у Андерсонов отмечалось тем, что отец отправлялся в плавание. Клинтон был первенцем, и ему сейчас исполнилось сорок. Отец четыре года путешествовал по Дальнему Востоку, после чего родился Уоррен, который был на шесть лет моложе Клинтона. Томаса от Уоррена отделяют четыре года, ровно столько же — Дрю от Томаса. Дрю был единственным из детей, рождение которого совпало с пребыванием отца дома. Объяснялось это тем, что жестокий шторм изрядно потрепал его корабль и вынудил вернуться в порт. Случившиеся за этим передраги задержали отплытие почти на год, и Андерсон стал свидетелем рождения Дрю и зачал Бойда, появившегося на свет спустя одиннадцать месяцев после брата.

А еще через четыре года появился на свет младший ребенок — единственная дочь. В отличие от мальчишек, которые бредили морем с детства и рано уходили в плавание, Джорджина оставалась дома и встречала каждый возвращающийся корабль. Поэтому неудивительно, что Мак был так привязан к девушке, ибо он провел с ней времени больше, нежели с кем-либо из ее братьев. Он отлично знал ее повадки и трюки, на которые Джорджина пускалась, чтобы добиться своего, и, конечно же, ему следовало быть непреклонным, когда ей пришла в голову эта неслыханная идея. И тем не менее сейчас Джорджина

находилась рядом с ним, в баре одной из самых непрезентабельных таверн в порту.

Мак был бы весьма рад, если бы девушка все же поняла, что капризы завели ее слишком далеко. Она нервно озиралась по сторонам, словно щенок, и даже кортик, спрятанный в рукаве, не добавлял ей уверенности и спокойствия. Однако упрямство не позволяло ей уйти до тех пор, пока она не увидит мистера Уиллкокса. К счастью, она предусмотрительно оделась так, что в ней трудно было заподозрить женщину.

Ее тонкие, хрупкие руки скрывали огромные неряшливые перчатки, которые Мак никогда раньше не видел. Они были настолько велики, что ей с трудом удавалось поднимать кружку с элем, который ей заказал Мак. Картину дополняли брюки в заплатках и свитер. Одежда, одолженная у старьевщика, была ей катастрофически велика, зато не давала возможности обнаружить никаких подозрительных выпуклостей, если только девушка не поднимала руки. На ногах ее была пара собственных, уже не поддающихся ремонту ботинок. Темные волосы тщательно заправлены под шерстяную шапку, натянутую настолько низко, что она почти закрывала глаза.

Джорджина в этом наряде являла собой весьма жалкое зрелище, однако гармонировала с окружением гораздо больше, нежели Мак, одетый в собственную одежду, пусть не слишком изысканную, но тем не менее заметно превосходящую по качеству одежду находящихся в таверне матросов. По крайней мере до того момента, пока в дверях не показались два джентльмена.

Удивительно, насколько быстро можно заставить замолчать шумную, гомонящую таверну. В мгновенно наступившей тишине слышалось лишь тяжелое сопение да еще шепот Джорджины.

— Что это значит?

Мак не ответил, жестом призвав ее помолчать, во всяком случае, пока посетители пытались определить